

АВТОР ИЛИ СОАВТОР? (СВОЕ И ЧУЖОЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ)

© 2004 М.Ю. Горохов

Воронежский государственный университет

“Проблема второго субъекта, воспроизводящего... текст (чужой) и создающего обрамляющий текст (комментирующий, оценивающий, возражающий и т. п.)”, тезисно обозначенная Михаилом Бахтиным [3, 301] как один из важных аспектов возможного исследования, в настоящее время представляется весьма актуальной в первую очередь в отношении публицистики.

Рассмотрение этого вопроса имеет, на наш взгляд, несколько аспектов.

Во-первых, публицистика, как и художественная литература, занимается символизацией действительности. Но, в отличие от искусства, придает фактам не эстетический, а этический, не столько художественно-ценностный, сколько социально-значимый смысл. Поэтому наряду с формами традиционной образности она активно использует некие универсальные *контекстуальные* образы-тезисы, содержание которых постоянно обогащается все новыми оттенками и зависит от того, в какой связи они употребляются.

Такой образ экономит усилия как самого автора, так и читателя: журналисту достаточно лишь к месту употребить его, чтобы мгновенно восстановить в сознании аудитории необходимый контекст. Вне этого контекста подобный образ представляет собой лишь некое вместилище возможного смысла, определенную публицистическую потенцию. Но будучи вплетенным в общую ткань того или иного высказывания, он приобретает вполне конкретную определенность. При этом происходит своеобразное приращение его публицистического смысла за счет контекстных отношений. В силу своей многозначности использоваться такие образы могут в самых разных ситуациях.

Взять, к примеру, ставшую в наши дни столь популярной аббревиатуру **ВВП**. Что возникает в сознании читателя при ее упоминании журналистом? Одна из основных экономических величин, характеризующих уровень благосостояния страны? Лозунг о необходимости ее удвоения в

России в течение ближайших десятилет? Сомнение в возможности последнего, подкрепленное высказываниями оппозиционных сил? Образ человека, публично данную идею озвучившего? А может, мысль о том, что омонимичность этой аббревиатуры и его собственных инициалов — не просто совпадение, и лозунг об удвоении ВВП-величины, выдвинутый еще до второго президентского срока ВВП-человека, хотя бы подсознательно следует трактовать шире — как их общее жизненно необходимое “удвоение”? Кому-то, возможно, вспомнятся и ежедневные картинки ведущих информационных программ, изо дня в день показывающих, как глава государства добивается провозглашенной им цели уже после своего переизбрания. А кто-то пойдет в своих ассоциациях еще дальше и, того и гляди, смахнет горькую слезу по безвременно почившей демократии, приносимой в жертву укреплению экономики, обороноспособности и территориальной целостности страны...

Как видим, ассоциативную цепочку можно раскручивать бесконечно. Публицисту же достаточно пары фраз, чтобы с помощью контекста вызвать в сознании читателя нужный образ. Причем средством столь быстрого достижения пусть и промежуточной цели служит плод творческих усилий, ранее затраченных совокупностью других авторов, чьи выступления уже обогатили рассматриваемый нами универсальный контекстуальный образ множеством потенциальных смыслов.

Приведем другой пример: “*На последних выборах те партии, которые утверждали, что защищают интересы молодежи, интеллигенции и бизнеса, вылетели из Думы на улицу. А в Киеве молодежь сама вышла на улицы, хотя ее любимец особых реверансов в ее сторону не делает*” [6]. В этом небольшом текстовом фрагменте дважды встречается слово “улица”, употребленное в разных значениях. В контексте первого предложения оно отсылает нас к ситуации прошлых пар-

ламентских выборов в России. А в контексте второго — помогает воссоздать в сознании читателя особенности последней украинской президентской кампании. Причем в Большом толковом словаре русского языка это слово определено следующим образом: “1. Пространство между двумя рядами домов в населенном пункте для прохода и проезда; два ряда домов с проходом, проездом между ними. 2. Собр. разг. Жители домов, составляющих два таких ряда. 3. Место вне помещения, под открытым небом. 4. Среда, лишенная культурного воздействия семьи, общества” [4, 1383]. То есть вне контекста слово “улица” нужного автору образного значения не имеет. Будучи же вплетенным в общую ткань повествования, оно приобретает все необходимые журналисту оттенки смысла, что позволяет с помощью активизации фоновых знаний аудитории (тоже, кстати, сформированных трудами всего журналистского сообщества) расширить общий публицистический контекст высказывания.

Второй аспект рассмотрения проблемы своего и чужого в публицистике, на который хотелось бы обратить внимание, заключается в том, что “публицистический текст — всегда дискурс”, он “функционирует в системе контекстных отношений с реальной действительностью” [5, 9-12]. И частью этой действительности являются, в том числе, высказывания других людей. Поэтому неизбежная цитатность — скрытая и явная — присуща ему по определению. От объема этого цитирования напрямую зависит соотношение “свое-чужое” в каждом конкретном материале.

Более того, в публицистике эта тенденция усиливается и в силу чисто “технологических” причин: будь то передача прямой речи героев, приведение комментируемых высказываний или выдержек из обсуждаемых документов, перечисление оспариваемых аргументов “идейных” противников в ходе полемики, рассказ о позиции, занятой по интересующему автора вопросу теми или иными общественными группами, социальными институтами или другими СМИ.

Таким образом, автор бесконечно цитирует другие тексты в самом широком значении этого слова, согласно которому под текстом подразумевается “всякий связный знаковый комплекс” [3, 299].

Следует обратить внимание и на то, что нередко публицист делает это в “свернутом” виде, применяя своеобразную “сигнальную систему” из тех же универсальных образов, но уже взятых вне контекста — во всей полноте их потенциальных смыслов. (При этом он, по сути, оперирует некими *концептами*.) К примеру, обсуждая сегодняшний уровень безопасности внутри российского общества, журналист может сослаться на

более ранние материалы печатных или электронных СМИ, посвященные бесланской трагедии. Однако если целью его статьи не является критическая оценка творческих достижений коллег, уже высказавшихся по этому поводу, мы, скорее всего, не увидим в материале прямых текстовых цитат из газетных источников или соответствующих описаний видеоряда. Для достижения необходимого эмоционального эффекта ему в большинстве случаев достаточно будет просто сказать: “Беслан”, и в сознании адресата вновь неизбежно всплывет все то, что он уже видел на телеэкране и страницах газет. И опять публицист будет обязан такому эффекту совокупным усилиям своих собратьев по цеху.

Причем автор и читатель зачастую находятся в этом смысле совершенно на равных, так как получают одну и ту же информацию из аналогичных источников — они как бы погружены в общий информационный фон. (Что, кстати, подтверждает и проведенный нами опрос воронежских журналистов, которые в числе важнейших источников при поиске темы для своих будущих материалов единогласно назвали сообщения других СМИ, в том числе Интернет, и лишь потом — информацию, получаемую по другим каналам).

При этом совпадение эмоционального опыта автора и читателей по тому или иному вопросу, основанное на сходстве опыта “информационного”, обеспечивает публицисту практически стопроцентное попадание в цель при минимальных затратах времени и сил: зачастую ему достаточно с помощью единственного яркого образа отослать аудиторию к общему информационному фону, чтобы избавить себя от необходимости реконструировать в сознании аудитории весь описываемый процесс, ситуацию или явление.

Так, достаточно сказать: “11 сентября”, и сознание читателей само нарисует им картинку рушащихся небоскребов, после чего выдаст всю накопленную информацию по теме борьбы с международным терроризмом вплоть до последнего новостного сюжета, посвященного американской внешней политике. Причем всякий раз “11 сентября”, произнесенное сегодня, прозвучит для читателя несколько иначе, чем оно звучало вчера, так как информационный, а следовательно, и эмоциональный опыт аудитории к этому времени пополнится.

И это не удивительно: в так называемом постиндустриальном обществе информация со все убыстряющейся скоростью порождает новую информацию. И где, как не в журналистике, ждать особенного проявления этой тенденции. Поэтому общий информационный контекст в сжатом или развернутом виде неиз-

бежно присутствует в любом публицистическом высказывании.

Более того, в публицистике особенно проявляются отмеченные М. М. Бахтиным диалогические отношения между текстами: “Два сопоставленных чужих высказывания, ничего не знающих друг о друге, если только они хоть краешком касаются одной и той же темы (мысли), неизбежно вступают друг с другом в диалогические отношения. Они соприкасаются друг с другом на территории общей темы, общей мысли” [3, 313]. И текст действительно выступает “как своеобразная монада, отражающая в себе все тексты (в пределе) данной смысловой сферы” [3, 301].

Диалогичность проявляется все сильнее в условиях лавинообразного накопления информации, помноженного на непрерывное совершенствование способов ее доставки потребителю. Выпасть из этого общего информационного потока означает для современного публициста снизить или окончательно уронить свою профессиональную планку. Поэтому любой автор сознательно окунается в него за собственной “большой рыбой”. А уж как ее приготовить — вопрос индивидуального “кулинарного” мастерства: аналитической оснащенности журналиста, его прогностического потенциала, искусства комментария и т. д.

Причем рассматриваемая тенденция так или иначе осознается самими авторами. Каждый публицист соотносит свой текст с дискурсом, частью которого являются и чужие высказывания по данному вопросу. В результате в журналистских материалах мы нередко находим сжатый пересказ необходимой фоновой информации по рассматриваемой теме (своеобразный тематический мини-дайджест) и даже встречаем в печатных изданиях прямые отсылы к содержанию телепрограмм (“Судя по картинкам ведущих телеканалов”...) и, наоборот, цитаты из периодических изданий в программах телевидения или радио (Характерный пример — программа “Однако”, ведущий которой любит ссылаться на антироссийские публикации западных газет, цитаты из которых при этом появляются на экране в графическом виде и звучат за кадром).

Таким образом, цитатность во всех ее аспектах и диалогичность также являются формами активного использования “чужого” в публицистике.

Третьим моментом, на который хотелось бы обратить внимание в этой связи, является следующее. Всякий раз сообщение о ранее не упомянутом факте или высказывание по новой актуальной проблеме (самая первая газетная заметка, новостной сюжет или ссылка в Интернете)

становится первым кирпичиком в основании перевернутой информационной пирамиды, которую вскоре надстроят над ним материалы других авторов, посвященные дальнейшим интерпретациям базовой информации, добытой их коллегой. Причем сами эти интерпретации будут уже отчасти представлять собой вторичное отражение, связанное с “приращением публицистического смысла”, которым занимается любой автор, высказывающийся по проблемам, ранее уже поднимавшимся в СМИ.

“Чужим” в таких случаях является уже выполненный другим человеком познавательный акт, в результате которого широкой общественности и был предложен для обсуждения тот или иной вопрос. А “своим” — дальнейшее толкование этого вопроса каждым конкретным автором.

Знать, что до тебя уже сказали другие, — прямая обязанность журналиста. Поэтому изучая предыдущие публикации в ходе подготовки к написанию собственного материала, а также обобщая уже собранные кем-то фактические данные, он вполне сознательно — не только на уровне творческой интуиции, но и в плане конкретного технического (если угодно — ремесленного) приема — учитывает фоновые знания аудитории с тем, чтобы развить и прирастить эти знания, будь то “положительное” публицистическое приращение (дополнение, расширение первичной информации) или же приращение “отрицательное”, заключающееся в критике и опровержении ранее высказанных идей (действующее по принципу гегелевского “отрицания отрицания”).

При этом сам характер исходной информации, собранной и упорядоченной другими людьми, уже во многом предопределяет основные тематические повороты и проблемные узлы будущей публикации, которая обязательно вступит в прямые или скрытые диалогические отношения с более ранними чужими материалами.

Таким образом, публицистический текст как конечный результат творческой деятельности неизбежно является своеобразным плодом совокупных усилий его собственного автора и некоего коллективного субъекта, ранее уже высказавшегося по тому же поводу. А сам журналист отчасти является лишь соавтором собственного публицистического высказывания.

Здесь мы, по-видимому, имеем дело с диалогическим аспектом подобного соавторства. Синхронический же его аспект заключается в следующем. (И здесь мы переходим к четвертому важному, на наш взгляд, моменту).

В силу усиливающейся профессиональной специализации людей в современном обществе, с одной стороны, и, если угодно, десакрализации журналистики — с другой (это явление заключа-

ется в том, что в последние годы журналистика во многом утратила свое моральное право выступать безапелляционным судьей по важнейшим вопросам общественной жизни), мнение автора по большому счету не имеет самодовлеющей ценности для читателей. Поэтому ему так или иначе необходимо привлечение экспертов в рассматриваемом вопросе: чиновников, политиков, участников тех или иных событий и других заинтересованных лиц. Их аргументированные позиции, по законам жанра представленные в столкновении друг с другом, составляют ядро большинства современных публикаций. (Характерная деталь: в ряде периодических изданий принципиальным требованием при подготовке материала является полная представленность мнений всех сторон и прямое цитирование людей, к которым мы обращаемся за комментарием, с точным указанием их должности).

И конечно, сам журналист не может сформулировать эти позиции за кого бы то ни было, он способен лишь помочь своим собеседникам, умело настроив их на “нужную волну”.

Кстати, именно такой навык в первую очередь демонстрируют ведущие популярных ток-шоу — достаточно перечислить хотя бы самые известные телевизионные передачи: “Времена”, “К барьеру”, закрывшаяся “Свобода слова”, “Основной инстинкт”, “Тем временем” и другие.

Более того, похожие формы появились и в новостях первого канала, когда два эксперта на экране в режиме прямого включения высказывают свои позиции по обсуждаемой теме, по очереди отвечая на вопросы ведущего.

Во всех этих случаях журналист выполняет роль модератора, задача которого — помочь проявиться в наибольшей полноте максимальному спектру точек зрения по данному вопросу. Аудитории же предоставляется все большая возможность получать информацию из первых рук и самостоятельно делать выводы.

Впрочем, сами ведущие упомянутых нами программ зачастую вполне осознают свою роль. Когда Владимир Познер в “Школе злословия” заявляет, что прекрасно отдает себе отчет в том, что является дутой величиной, и развивает мысль: “Если по телевизору в течение длительного времени показывать лошадиный зад, то и его начнут узнавать на улицах”, он говорит именно об этом эффекте. Отчасти в одном из своих интервью вторит ему и Владимир Соловьев: “Если журналиста нет в эфире, все его забудут”.

Таким образом, иерархическая структура, в которой журналист некогда являлся ключевым связующим звеном между источниками информации и оценок, с одной стороны, и аудиторией — с другой, все чаще уступает место сетевой модели,

в которой возможна прямая связь между всеми звеньями системы. (Причем этот процесс, если верить футурологам, характерен для современного общества в целом. Журналистика же как один из наиболее восприимчивых социальных институтов первой почувствовала на себе его действие и теперь способствует более быстрому распространению этого эффекта на все остальные элементы системы).

Следовательно, журналист вновь выступает в таких случаях не как единоличный и полноправный создатель текста (в широком его понимании), а лишь как один из соавторов публицистического высказывания. Конечно, его роль в зависимости от уровня профессионального мастерства может варьироваться в огромном диапазоне, однако в любом случае она не исключает своей “технической” составляющей, связанной с уже упоминавшейся нами “проблемой второго субъекта, воспроизводящего чужой текст” (см. выше).

Та же тенденция проявляется и в новых жанровых формах, все большее место в которых отводится самому читателю, зрителю или слушателю. “Обратная связь” (рубрика “Комсомолки”) и ее аналоги в других изданиях, уличные опросы, которые все чаще встречаются как в печатных, так и в электронных СМИ, “прямые-линии” (звонки читателей в редакцию или в студию, где их принимает специалист в той или иной сфере)... Во всех этих случаях авторство самого журналиста большей частью сводится к чисто технической, обслуживающей роли. И соотношение “свое-чужое” в его материале однозначно склоняется в сторону последнего.

Кроме того, и в традиционных публицистических жанрах все большее место занимает учитываемая автором позиция потенциального читателя по рассматриваемому вопросу. В скрытом виде она присутствует в форме авторской ориентации на диалог с аудиторией, в явном — представлена такими формами, как возможность выставления читателями оценок за публикацию в интернете или ее обсуждения в чате, письма в редакцию или на электронный адрес автора, которые затем становятся частью его последующих материалов.

Читатель таким образом все больше становится равноправным субъектом публицистического диалога. За ним — последнее слово не только за пределами газетной полосы или “жизненного пространства” любого другого СМИ, но и в его рамках. Конечно, эта тенденция является следствием коммерциализации прессы, усилившейся конкуренции СМИ в борьбе за аудиторию, кризиса периодической печати (если говорить о газетах). Но теперь она, подобно ленте

Мобиуса, словно порождает самое себя, и уже сложно сказать, что из чего проистекает (читатель тянется за СМИ и привыкает к новым формам или же наоборот).

Автор при этом — лишь участник диалога. Внутри публицистики происходит своеобразное выравнивание полюсов между ним и читателем, некое раскрепощение и демократизация их отношений. Здесь мы видим скорее не бартовское рождение читателя, оплаченное смертью автора [1], и не бахтинскую трансгредиентность автора (его принципиальную внеположенность изображаемому) [2], а взаимопроникновение этих ранее взаимоисключавших “ипостасей”. Происходит своеобразное слияние двух начал — авторского и читательского — в рамках новой, постиндустриальной личности, погруженной в общую информационную среду. И в профессиональной кухне “человека пишущего” неудобоваримая для современной аудитории монологичность уступает место бесчисленным модификациям равноправного диалога с аудиторией.

В рамках общего информационного пространства — этой всеобъемлющей “инфосферы” — автор также является читателем и наоборот. Более того, читатель, судя по всему, скоро сможет самостоятельно компоновать новостные и тематические подборки с помощью цифровых технологий (во всяком случае, о своем намерении развивать именно это перспективное на-

правление не так давно заявил Билл Гейтс). Таким образом, сам получатель информации отчасти превратится в соавтора некой принципиально новой публицистической целостности. Кто знает: может быть, в ее рамках и вовсе не будет разделения “своего” и “чужого”, а возникнет своеобразный “информационный коммунизм” и сама собой отпадет проблема авторства?

Впрочем, хорошо это или плохо — тема отдельного разговора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Ролан. Смерть Автора. — (<http://www.geocities.com/Paris/Palais/6854/bart/brt-7.html>).
2. Бахтин М. М. Проблема Автора // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Азбука, 2000. — 336 с.
3. Бахтин М. М. Проблема текста // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Азбука, 2000. — 336 с.
4. Большой толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 1998. — 1536 с.
5. Кройчик Л. Е. Публицистический текст как дискурс / Л. Е. Кройчик // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2003. — № 3-4. — 140 с.
6. Лесков С. Смотримся в Украину, или о чем мечтали бы сегодня Турбины / С. Лесков // Известия. — 2004. — 2 декабря.